

ISSN 1727-0634

THE JOURNAL OF SOCIAL POLICY STUDIES

**ЖУРНАЛ
ИССЛЕДОВАНИЙ
СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ**

Том 10 № 3 2012

TABLE OF CONTENTS

Editorial. Family and parenthood: discursive relations and practices

Articles

Janna Chernova
The Work-Family Balance: Policy and Individual Mothers' Strategies 295

Larisa Shpakovskaya
Institutionalization Policies and Privatization Practices of Family Life: Partnership and Marriage in Russia 309

Natalia Pecherskaya
Mythology of Parenthood: Analysis of Discourse Construction of Ideal Family 323

Julia Zelikova
Influence of Regime of Welfare and Parenting Values on Family Behavior and Education of Children: Cross-Country Analysis 343

Alla Tyndik
Reproductive Attitudes and Their Realization in Modern Russia 361

Olya Melnikova
Redefining the Obstetrics in the Parental Internet-Discussions in Example of Tomsk Forum) 377

Alisa Tolstokorova
"Mommy Washes Windows in Rome": Gender Aspects of Transnational Parenthood in Ukraine 393

Reviews

Andrey Sychev, Katerina Fofanova
Choice and Responsibility: Rethinking of the Traditions
Gatrell C. Hard Labour: The Sociology of Parenthood. Berkshire: Open University Press, 2005. 236 p. ISBN 0335214894 409

Ilena Lyubimova
Gender Politics and Working Class Formation in USSR
Goldman V. Women at the Gates: Gender and Industry in Soviet Industry (1917-1937). M.: ROSSPEN, Center of the President B.N. Eltsin, 2010. 358 p. ISBN 978-5-8243-1447-2 415

Almira Naberushkina
Architecture, Network, People, City: the Contours of the New World
Mitchell William J. Me++: The Cyborg Self and the Networked City / transl. from English by D. Simanovski. M.: Strelka Press, 2012. 328 p. ISBN 978-5-9903364-1-4 422

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. Семья и родительство: дискурсивные предписания и практики

Статьи

Жанна Чернова
Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей 295

Лариса Шпаковская
Политика институционализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России 309

Наталья Печерская
Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи 323

Юлия Зеликова
Влияние социальной политики и родительских ценностей на семейное поведение и воспитание детей: межстрановой анализ 343

Алла Тындик
Репродуктивные установки и их реализация в современной России 361

Ольга Мельникова
Переопределение родовспоможения в родительских Интернет-дискуссиях (на примере томского форума) 377

Алиса Толстокорова
«Мама моет раму в Риме»: гендерные аспекты транснационального родительства в Украине 393

Рецензии, обзоры

Андрей Сычев, Катерина Фофанова
Выбор и ответственность: переосмысление традиций
Gatrell C. Hard Labour: The Sociology of Parenthood. Berkshire: Open University Press, 2005. 236 p. ISBN 0335214894 409

Алена Любимова
Гендерная политика и формирование рабочего класса в СССР
Голдман В. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937 гг.). М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 358 с. ISBN 978-5-8243-1447-2 415

Эльмира Наберушкина
Архитектура, сети, люди, города: контуры нового мира
Митчелл У. Дж. Я++: Человек, город, сети / пер. с англ. Д. Симановского. М.: Strelka Press, 2012. 328 с. ISBN 978-5-9903364-1-4 422

МИФОЛОГИЯ РОДИТЕЛЬСТВА: АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИДЕАЛЬНОЙ СЕМЬИ

Н. В. Печерская

Статья посвящена критическому дискурс-анализу официальной риторики, касающейся современной российской политики. Анализ с использованием документов за период с 2006 по 2012 год выявил четыре базовых мифа, легитимирующих содержание и механизмы семейной политики: «кризис», «золотой век семьи», «инструментализм» и «равные возможности». Были выделены модели семьи и родительской заботы, конструируемые в качестве нормативных предписаний в рамках этих мифологий, проанализирована их взаимная когерентность.

Ключевые слова: семейная политика, родительство, критический дискурс-анализ

Родительство и семья как основной институционально признанный механизм его осуществления занимают в повестке дня современной российской политики одно из первостепенных мест. Сама постановка этого вопроса, та озабоченность, которая активно декларируется сегодня на всех уровнях государственной управленческой иерархии, свидетельствуют о некоем устойчивом напряжении, существующем между основными субъектами этой проблемы: властью и родителями. На первый взгляд, проблемный характер этих взаимоотношений кажется несколько странным и надуманным. Ведь родители (и потенциальные родители в том числе) остро нуждаются в помощи государства при решении своих

В данной научной работе использованы результаты проекта «Родительство в современной России: политика, ценности и практики», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0017. Основой документальной базы предлагаемого исследования стали законодательные и программные документы федерального и регионального уровней, стенограммы заседаний Государственной думы, посвященные обсуждению законопроектов по вопросам семьи и детства (2006–2012).

насуточных проблем. А государство, в свою очередь, готово «подставить плечо», разрабатывая соответствующие программы государственной семейной политики и создавая механизмы их реализации. Но несмотря на наличие очевидной заинтересованности обеих сторон, диалог семьи и государства явно не удовлетворяет участников как с одной, так и с другой стороны. Из уст государственных чиновников звучат обвинения в утрате традиционных семейных ценностей, моральной деградации и распушенности, отсутствии ответственности перед будущими поколениями, угрозе нации и генофонду России¹. А адресаты этих гневных филиппик – родители – настойчиво не желают узнавать себя в образе, который конструируется властью и отражается в зеркале семейной политики. При этом государство является высокоресурсным участником этого конструирования: в поле политики максимально сконцентрирована монополия на символическое насилие, транслируемое через агентов политического дискурса [Бурдьё, 1993].

Политический дискурс создает *области закрытости*, которые формируют фиксированные значения, представляющиеся совершенно естественными. Так появляются образы «мужчины-кормильца», «женщины-труженицы», «женщины-матери», «государства – семейства семей», «Родины-матери», которые создают «объективность» наших представлений, ролевых ожиданий, непроблематичность поведенческих выборов. Но эта объективность – осадочная власть, где следы самой власти уже стерлись, «где забыли, что мир сконструирован политически» [Филлипс, Йоргенсен, 2008. С. 75]. Данные идеологические конструкции производят «естественный» для нас мир, одновременно устранив из поля нашего видения альтернативные возможности его устройства. Проблематизируя эту «очевидность», осмысливая исключенные властью возможные значения, можно определить/предсказать последствия определенных дискурсивных концептов-мифов, разрушая их временную идеологическую закрытость, «естественность» и самоочевидность предлагаемых конструкций.

Сегодня налицо органическая слабость российской семейной политики (это признается и самими властью предрешающими, и экспертами, и адресатами семейной политики) [см., например, Николаева, 2011; Захаров, 2012; Ярская-Смирнова, 2010; Гессен, 2012; Мизулина, 2012]². Поэтому насущной задачей становится осмысление аберраций «государственного видения» семьи, критический анализ базовых идеологем, которыми руководствуется современное российское государство, выстраивая механизмы

¹ Подробными заявлениями пестрят стенограммы заседаний в Государственной думе, где обсуждались проекты законов по семейной политике: см. стенограммы за 2007–2011 годы // <http://transcript.duma.gov.ru/>

² См. также письмо Ольги Ким В.В. Путину. 24.02.2012 // <http://www.bg.ru/opinion/10148/>

семейной политики и разрабатывая экстренные антикризисные меры по поддержке родителей и детей.

Социокультурный контекст дискурсивных трансформаций семьи и родительства

При анализе политического дискурса нельзя забывать о том, что любая дискурсивная практика, в том числе и официальная риторика, находится в тесной взаимосвязи с более широким социальным контекстом и всегда подвержена сильному влиянию социальных процессов недискурсивного характера. Поэтому необходимо описать социокультурный контекст, на фоне которого формируются дискурсы семьи и родительства, и тот аналитический аппарат, который предлагают ученые и эксперты для анализа его влияния на выстраивание дебатов и идеологий.

По мнению многих исследователей, современные трансформации институтов семьи и родительства вписаны в глобальный контекст процесса модернизации [Вишневский, 2008; Малева, Овчарова 2009; Захаров, 2012; Чернова, Шпаковская, 2010]. Этот процесс вызвал не только рост производства, повышение качества жизни, но одновременно предъявил повышенные требования к качеству и объему трудовых ресурсов, росту трудовой активности как мужчин, так и женщин. Инвестирование в профессиональную карьеру обусловило социальную успешность, гарантировало материальную независимость, свободу и индивидуальный рост, вынужденно отодвигая на второй план традиционные ценности: рождение детей, построение семьи и заботы о зависимых близких.

Наиболее очевидными результатами этого дисбаланса стали нуклеаризация семьи, отложенное родительство, рост разводов, бинуклеарных семей, повышение уровня внебрачных рождений, дифференциация брачного и репродуктивного поведения, как следствие – снижение брачности, рост альтернативных форм семьи (партнерских союзов, как гетеросексуальных, так и гомосексуальных), что в целом привело к резкому снижению рождаемости как глобальной демографической тенденции [Вишневский, 2008].

Совокупность всех этих переживаемых семьей перемен принято обозначать термином *второй демографический переход* [см., напр., Van de Каа, 1987; Вишневский, 2005]. Не все черты этого процесса нашли свое отражение в жизненных приоритетах россиян, у которых по-прежнему доминирует традиционный семейцентризм, в то время как профессиональная самореализация устойчиво относится ко «второму эшелону» значимых ценностей [Варламова и др., 2006]. Распространенным остается представление о слитности брачного и репродуктивного поведения – детей нужно заводить в официальном браке [Чернова, Шпаковская, 2010] – и материнстве как главном предназначении женщины [Варламова и др., 2006]. Совокупность такого рода факторов позволяет

ставить под вопрос полноту и однозначность включенности России в глобальные контексты второго демографического перехода [Чернова, 2011] и утверждать запаздывающий или консервативный характер модернизационных процессов [Вишневский, 2005]. Однако практики россиян, особенно молодых, демонстрируют диверсификацию брачно-семейного поведения, созвучную глобальным изменениям: распространение незарегистрированных союзов, рост числа пар, предпочитающих так называемое «отставленное родительство» [Чернова, Шпаковская, 2010] и соответственное увеличение среднего возраста матери при рождении первого ребенка с 22 лет в 1990-е до 24,4 лет в 2009 году [Особенности российской модели рождаемости... 2010].

Как реагирует российское государство на эти глобальные вызовы модернизации? Какие идеологии и поддерживающие их мифы создаст власть для легитимации своих интенций в отношении нормативных образцов семьи и родительства? Каковы эти образцы и механизмы их реализации, насколько они созвучны друг другу? Для ответа на эти вопросы посмотрим на семейные отношения сквозь оптику власти, обратившись к анализу содержания официальной риторики.

Родительство и семья глазами государства

Современный официальный российский дискурс о семье формируется вокруг нескольких мифов – интерпретаций явлений/событий, которые представляются властью как объективное состояние дел. Центральным мифом, организующим современные дебаты вокруг семейной политики, является миф о демографическом кризисе.

Миф о кризисе

Дискурс, формирующий данный миф, сконцентрирован вокруг темы спада рождаемости в России¹: в 1999 году она опустилась до минимальной отметки 1,16, в период 2000–2004 наметился небольшой подъем – 1,34 [Малева, 2006]. На данный момент суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,6, при необходимом для простого воспроизводства 2,14 [Николаева, 2011]. Снижение рождаемости является показателем второго демографического перехода, но если в мире эти процессы происходят параллельно с ростом качества и продолжительности жизни населения, частично компенсируя демографический дисбаланс, то в России данные

¹ С 1992 года началось стабильное сокращение численности населения из-за превышения уровня смертности над уровнем рождаемости (естественная убыль населения). В течение последних 15 лет в России ежегодно умирали более 2 млн. человек, что в расчете на 1000 человек в 2 раза больше, чем в европейских странах и США, в 1,5 раза больше, чем в среднем в мире, а ежегодно рождалось в этот период 1,2–1,5 млн. человек [Концепция демографической политики... 2007].

трансформации разворачиваются на фоне повышения уровня смертности, что привело к резкому ухудшению демографического воспроизводства начиная с 1990-х годов (знаменитый «русский крест»).

Данная ситуация описывается исключительно в кризисной терминологии: «депопуляция», «вымирание», «деградация». С 1990-х годов алармическая тональность становится лейтмотивной для российской семейной политики, постоянно усиливаясь [Розенхольм, Савкина, 2009; Ярская-Смирнова, 2010; Rivkin-Fish, 2010]. Оценивая ситуацию как «критическую» [Послание Президента... 2006], «серьезную угрозу всей нашей нации» [Послание Президента... 2010], рисуя апокалипсические картины вымирания нации и «пустого пространства, судьба которого решается не нами» [Путин, 2012], политические лидеры призывают к «сбережению народа» и готовности к «любимым внешним шокам» [Отчет о деятельности Правительства... 2011].

Основной причиной демографического спада было декларировано «падение рождаемости» (что необоснованно отодвигало на второй план не менее острую проблему смертности). В результате приоритетным направлением деятельности государства стало повышение рождаемости, что указывает на пронаталистский характер его интенций. Сложно однозначно сказать, почему власть поставила в конечном счете знак равенства между ухудшением демографической ситуации и снижением рождаемости, при том, что в Послании Президента 2006 года в качестве ресурсов преодоления кризиса назывались и снижение смертности, и эффективная миграционная политика [Путин, 2006]. Можно предположить, что граждане в фертильном возрасте являются гораздо более «долгоиграющим» и привлекательным для власти ресурсом и в трудовом, и в электоральном смысле, чем пожилые, мигранты и мужчины «преклонного возраста».

В этой мифологии демографические изменения представляются властью не как системная трансформация брачно-репродуктивного поведения, а как результат действия конкретных, точечных факторов, среди которых приоритет отдается материальным: низкому уровню жизни, экономической нестабильности, высокой стоимости детей, неуверенности женщин в завтрашнем дне [Послание Президента... 2006; Концепция демографической политики... 2007]. Такая «факторная логика» [Вишневский, 2008] привела к упрощенному анализу причин демографических изменений и неадекватной постановке цели и механизмов ее реализации: побуждение к репродукции с помощью мер преимущественно монетарного характера [Концепция демографической политики... 2007]. Основные материальные поддержки семьи сконцентрированы на рождении и воспитании ребенка до 1,5 лет, что демонстрирует пронатализм семейной политики, меры которой не связаны с природой трансформации родительства и падением рождаемости.

Потенциал исключительно монетарных методов регулирования рождаемости крайне невелик. Среди демографов уже доказанным считается тот факт, что материальная стимуляция матерей дает лишь временный эффект¹. Например, существенные выплаты за рождение детей в Скандинавии привели только к сдвигу календаря рождений: родители спешили родить пораньше, пока выплаты не отменены. Десятилетний «бэби-бум» (коэффициент суммарной рождаемости в 1990 году достиг 2,13) впоследствии обернулся глубоким спадом. Сегодняшний уровень рождаемости в Швеции вернулся к тому, какой страна имела более 30 лет назад.

В России прогнозируется аналогичная ситуация. По результатам исследования РИДМиЖ (2004, 2007, 2011)² репродуктивная установка «иметь не более двух детей в семье» остается доминирующей – 85% респондентов, имеющих в своей биографии два рождения, не собираются увеличивать размер своей семьи [Захаров, 2012]. Несмотря на победные реляции, фиксирующие рост рождаемости («За 2008–2011 годы в России родилось более 7 млн детей» [Отчет Правительства... 2011]), статистика утверждает, что даже уровень простого воспроизводства населения России в ближайшие годы (до 2030 года) не будет достигнут [Захаров, 2012].

Помимо неэффективности пронаталистский уклон современной российской семейной политики имеет и ряд серьезных идеологических последствий. Утверждая репродукцию как меру национальной дееспособности, власть вроде бы повышает «социальный статус» женщины до «государственного агента». Но одновременно возлагает на нее основную ответственность за «выживание нации», что предполагает отождествление женщины с матерью, как естественного и, на данный момент, приоритетного ее предназначения. Рождение детей рассматривается не только как смысл жизни женщины, но и как главная женская обязанность. Натурализация женского образа элиминирует все остальные элементы ролевого набора, и дети становятся не правом, а долгом. Родительство конституируется не как результат свободного выбора, а является объектом постоянного контроля, стимулирования и санкционирования со стороны власти. В результате такой оценки семья, материнство и детство находятся не под защитой государства, как прописано в 1-й ч. ст. 38 Конституции РФ, а под постоянным жестким прессингом власти.

Параллельно пронатализм семейной политики провоцирует закрепление старых и продуцирование новых систем социальных неравенств.

¹ Следует отметить, что не все ученые разделяют такую позицию. Российские демографы в данном вопросе разделяются на два лагеря: либеральный и консервативный. Последние, среди них можно назвать А. Антонова и В. Медкова, являются апологетами материальных мер рос-сийской семейной политики [см., например, Медков, 2002; Социология семьи... 2007].

² РИДМиЖ – репрезентативное социально-демографическое обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе».

Так, в рамках «кризисной парадигмы» российской семейной политики помощь в основном оказывается лишь семьям, имеющим детей (или желающим их завести посредством новых вспомогательных репродуктивных технологий), а союзы без детей фактически вообще не рассматриваются как семьи. Они стигматизируются государством посредством устранения их из адресатов многих федеральных и региональных видов поддержки.

Поскольку приоритетной причиной падения рождаемости в кризисной модели семейной политики признается в первую очередь материальный фактор, то основным реальным реципиентом государственных поддержек становятся малообеспеченные семьи с уровнем дохода ниже прожиточного минимума и молодые семьи, которые, являясь группой с наибольшим репродуктивным потенциалом, при рождении детей попадают в диапазон высоких экономических рисков. И хотя право на прямые материальные трансферты имеют все семьи с детьми (размеры пособий дифференцируются в зависимости от детности), помощь оказывается по заявительному принципу с последующей проверкой на нуждаемость. Получается, что «вся семейная политика, по существу, за исключением некоторых нюансов, ориентирована на семейное неблагополучие» [Мизулина, 2012а]. Так властью создаются новые критерии социального неравенства: «молодые» (до 35 лет) и «старые», «благополучные» и «неблагополучные» семьи.

Установка на адресную помощь была сформулирована еще в 2000 году в Послании Президента («Дети министров могут обойтись без детского пособия, а жены банкиров – без пособия по безработице» [Послание Президента... 2000]) и до последнего времени была главным ориентиром государственных материальных трансфертов. С начала 2012 года в официальной риторике все чаще слышны призывы перейти от «политики выживания», ориентированной преимущественно на семью в зоне социального риска, к «политике семейного благополучия» [Концепция семейной политики Санкт-Петербурга... 2012]. Основой выплат должен стать не прожиточный минимум, а средний доход на члена семьи [Путин, 2012]. Заявлениями такого рода государство пытается убедить граждан в неуспешной и динамичной социальной заботе. Но осуществлять политику расширения прямых материальных трансфертов в условиях снижения цен на нефть и мощного оттока капиталов из страны становится все труднее. И российский истеблишмент нашел изысканный способ повысить число благополучных семей, не потратив на выравнивание социального неравенства семей ни копейки. В июне 2012 года Министерство финансов внесло предложение в правительство, в котором предлагается ввести вместо прожиточного минимума так называемый «социальный уровень бедности». Суть его состоит в следующем: по некоторым позициям потребительской корзины перейти от индивидуального расчета необходимых товаров и услуг к общесемейным (например, холодильник, телевизор,

услуги ЖКХ). Такой показатель будет значительно ниже нынешнего прожиточного минимума, если учесть эффект экономии от общесемейного потребления. Чем больше семья, тем богаче в глазах государства ее члены семьи при таком же уровне доходов [Докушев, 2012].

Пронатализм с его арсеналом форм материальной поддержки маскирует роль государства в производстве не только имущественного, но и гендерного неравенства. Мишель Ривкин-Фиш иллюстрирует этот тезис на примере рассмотрения официальной риторики, сопровождавшей введение в 2007 году «самой действенной меры материального стимулирования» [Послание Президента... 2006] – материнского капитала [Rivkin-Fish, 2010]. На первый взгляд, речь В. В. Путина о материнском капитале кажется направленной на противоположную цель – повысить социальный статус женщин. Он констатирует невыгодное, часто «унизительное» положение, с которым сталкивается женщина, когда, родив ребенка, надолго покидает рынок труда. Выравниванию этой социальной несправедливости призван помочь материнский капитал. В то же время, по мнению Ривкин-Фиш, Путин затушевывает социально обусловленный источник этого гендерного неравенства – представление общества, что именно женщина является тем, кто должен покинуть работу, чтобы заботиться о детях. Вместо того чтобы проблематизировать эту ситуацию, Путин представляет ее как естественное положение дел и предлагает матерям выплаты, чтобы попытаться компенсировать потери, которые, как он предполагает, женщина неминуемо должна нести [Rivkin-Fish, 2010. P. 716].

Официальный дискурс о материнском капитале отражает риторику советского стиля относительно женщины-матери и пропагандирует гендерно окрашенную версию заботы, а не призывает к равному перераспределению ответственности. Одновременно активизация государства в области предоставления материально выраженной заботы, вызванная алармистской тональностью дебатов о семье, позволяет говорить о возвращении «государственного патриархата» [Lewis, Daly, 2000] советских времен и отхода от либеральной сути контракта между государством и семьей в России в период 1990-х – начала 2000-х годов.

Риторика кризиса сводит отношения государства и семьи к взаимодействию заимодавца и должника со всеми вытекающими последствиями. Образуется своего рода клиента, где родители выступают не в роли полноценных субъектов, а превращаются в пассивных потребителей предоставляемых государством услуг.

Еще одним идеологическим следствием пронатализма кризисного мышления стало развитие инструментализма в семейной политике. Матери и отцы рассматриваются властью как биологический ресурс спасения нации, поэтому наряду с эмоционально окрашенной риторикой алармизма официальный дискурс пестрит экономической лексикой. Обилие этой

лексикой, ее смысловая нагрузка позволяют говорить о возникновении и развитии «мифа инструментализма», который стал ожидаемым следствием карт-бланша государству на вторжение в личную жизнь граждан.

Миф инструментализма

Идеология инструментализма ставит во главу угла «эффективность» государственной социальной политики [Послание Президента... 2006], семья представляется «золотой акцией» в руках государства, «фабрикой детства» с рациональной организацией [Мизулина, 2012б]. Поражает обилие долженствования, приписываемого властью семье, которая сплошь и рядом должна: «быть субъектом истории», «соответствовать национальным интересам», «реализовывать заложенные высокие возможности» [Концепция демографической политики... 2007]. Такая риторика наглядно демонстрирует, что в государственной перспективе родители (в первую очередь матери) являются не субъектом политики, а ее инструментом, который в случае правильного использования должен способствовать поддержанию эффективной реализации целей системы, а в случае отклонений становится реальной угрозой интенций власти и должен быть подвергнут незамедлительной коррекции.

Инструментализм предлагает широкий набор дисциплинирующих практик, начиная от ужесточения законодательства относительно родов, сокращения социальных показаний к абортам¹ и заканчивая предложением введения налога на супружеские пары, не имеющие, но могущие иметь детей. Порой рационализаторский пыл апологетов инструментализма свидетельствует о «сумасшествии разума» [Хоркхаймер, Адорно, 1997]. Предлагается гарантировать молодым мамам в возрасте от 16 до 17 лет, которые согласны родить, обеспечить возможность временно отказаться от ребенка (!), сохраняя право вернуть его обратно до 10 лет, и создать государственный банк данных о мужчинах, которые развелись в силу бездетности, предоставляя им возможность жениться на беременной или одинокой, но фертильной женщине [Гудков, 2008]. Такого рода «репродуктивные» практики позиционируются как забота о национальной безопасности, инструментализируя женщин и мужчин, игнорируя личную свободу и право на частную жизнь граждан. Их тела наделяются ответственностью за «выживание нации».

Параллельно с ростом алармизма и прагматизма во властной элите формировалось осознание того, что резкое падение рождаемости одним материальным побуждением к размножению и дисциплинированием

¹ Искусственное прерывание беременности по желанию женщины разрешено при сроке беременности до двенадцати недель, до двадцати двух недель – при наличии социальных показаний (с 2011 года – только изнасилование) и на любом сроке беременности – по медицинским показаниям (ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011).

не остановить. Уже 2006 году В.В. Путин констатировал, что уменьшение рождаемости – это, главным образом, социокультурная проблема – результат распространения внесемейной направленности ценностных ориентаций молодежи [Послание Президента... 2006].

Для изменения репродуктивного поведения россиян во второй половине 2000-х годов нужно было сформировать мотивацию, базирующуюся не на прагматике, а на ценностном выборе. Реализация этой цели требовала сложного, онтологического выбора между двумя объяснительными схемами: признать ослабление ценностей фамилизма в молодежной среде результатом цивилизационного сдвига, тем самым сделав акцент на глубинной и необратимой природе изменения поведенческих установок, или, в соответствии с кризисной риторикой, признать эти изменения как аберрацию исторического развития России, уход от ее особого пути. Властная элита выбрала второй вариант, обвинив в «моральной деградации» советское прошлое:

Обратите внимание, какие присмы использовали большевики, сознательно разрушая семью как оплот самодержавия, а на самом деле как оплот тысячелетней истории России, ее биографии. Их было немного. Это прием лишения юридической силы браков, заключаемых по религиозному обряду, свобода развода, противопоставление родителей и детей, возможность изъятия ребенка из семьи и передачи его на воспитание в детское учреждение [Мизулина, 2012].

Было признано, что семейная политика должна взять направление на популяризацию в обществе, особенно в молодежной среде, духовно-нравственных ценностей дореволюционной семьи, так как «фиксируется оторванность подрастающего поколения от традиций и ценностей культуры своего народа и разрушение его национально-культурной идентичности» [Концепция государственной политики... 2008]. Началось активное формирование и внедрение в общественное сознание еще одного мифа – о золотом веке семьи, – призванного обеспечить формирование ценностной мотивации к повышению рождаемости.

Миф золотого века семьи

Со стороны тех, кто боролся с низкой рождаемостью, зазвучал призыв вернуть репродуктивное поведение современных россиян к традиционным ценностям, формам и нормам, характерным для дореволюционного прошлого, к утерянным православным традициям многодетной семьи, прочности родственных связей, теплой домашней материнской заботе: «мы должны восстановить наши старинные ценности бережного отношения к семье, родному очагу» [Послание Президента... 2006]. «Если мы не восстановим традиционное отношение к базовым моральным ценностям, то никакие меры экономической и социальной политики не принесут устойчивого результата» [Отчет Правительства... 2011].

Вариации этого мифа обладают хорошо известными чертами консервативной утопии: идеализацией прошлого, преувеличенной критикой настоящего, убеждением, что нынешний путь развития выбран вследствие ошибки или социально-исторического катаклизма, верой в возможность и безусловную необходимость припасть к «отеческим гробам»:

Уверена? что сегодня, именно сейчас настал такой момент, когда необходимо вернуться к традиционным ценностям. Начиная с 17-го года институт семьи в стране медленно разрушался, были утеряны русские христианские традиции большой семьи, прочности родственных связей, семейного воспитания [Семенова, 2012].

Актуализации преданных забвению ценностей и устоев призваны были способствовать символические проекты, повышающие статус семейной жизни, основанной на православных идеалах. Показательным примером является учреждение в 2008 году Дня семьи, любви и верности (8 июля) под покровительством Петра и Февронии – канонизированных символов христианского брака.

Наряду с символическим возрождением национальной идентичности, сторонники возрождения традиционной семьи предполагают укоренить ее и в экономических практиках. Они отмечают, что и в советской, и в рыночной экономике у семьи нет экономического интереса к деторождению, поэтому часто звучат призывы реставрировать семью как экономическую единицу посредством воссоздания семейного бизнеса, чтобы повысить потребность в детях и увеличить социальный престиж семьи. Первые шаги по возрождению семейных цехов в условиях постиндустриального общества уже осуществляются правительством. Какой должна быть семья, соответствующая этому ценностному набору? Фиксация рамочных, концептуальных понятий во властном дискурсе демонстрирует представления государственных чиновников о том, что есть идеальная семья: официально зарегистрированный брак; полная семья; наличие детей. Представляя данную модель как идеальный образец, государство формирует жесткие нормативные ожидания по отношению к родительским ролям и структуре брачных отношений: слитность матримониального, сексуального и прокреативного поведения; единственной одобряемой формой отношений становится официальный брак, в котором должна выполняться репродуктивная норма – два ребенка.

Все остальные типы брачно-репродуктивного поведения: партнерские пары, неполные семьи с одним ребенком, бездетные семьи – автоматически становятся девиантными. Нетрадиционные модели отношений приравниваются к преступлению. Гомофобный дискурс развивается параллельно с неприятием программ сексуального образования и рационального семейного планирования, их оценивают как «захватнические

тактики» враждебного Запада, направленные на ослабление «и планомерное уничтожение института семьи в России» [Останина, 2011].

Ориентация на патриархальные традиционные ценности соседствует с ярко выраженным сексизмом. Локус семейной политики представлен образом женщины-матери, и родительство устойчиво приравнивается к материнству, («Мать и дитя – это семья» [Мизулина, 2012]), что приводит к фактической направленности государственных поддержек не на семью, а на мать; отец рассматривается только как «надежный добытчик и кормилец». В целом в рамках этой мифологии апелляция к традиционным устоям имплицитно подразумевает гендерную асимметрию родительских ролей, но само содержание ролей матерей и отцов явно нигде не прописано. Образ заботы о детях, конструируемый в контексте данной мифологии, отражает традиционную модель по Хохшильд [Hochschild, 2003], где нормативным ядром выступает «полное материнство» [Kremet, 2006]. Осуществление заботы возлагается исключительно на плечи женщины-матери, занятой ведением домашнего хозяйства. Данный подход к заботе основывается на жестком гендерном неравенстве разделения семейных ролей в традиционной семье, где отец исключается из субъектов ухода. При этом забота имеет статус неоплачиваемой работы, считается прямой и неотъемлемой обязанностью женщины, локализуется в приватной сфере семьи.

Все три вышеперечисленных мифа – «кризис», «инструментализм» и «золотой век семьи» – фундировали семейную доктрину государства со второй половины 2000-х до 2011 года. Каждый из них имел специфической локус – центральную идею мифа: кризисного состояния демографической ситуации, возрождения традиционных ценностей и ресурсного подхода к родительству соответственно. Взаимодействуя в дискурсивном пространстве, эти локусы формировали цели, содержание семейной политики и определяли основные механизмы ее реализации. В результате семейная политика была отождествлена с репродуктивной, приоритетной задачей признано повышение рождаемости, источниками кризиса названа бедность и нравственная деградация, а целевой группой семейной политики – «неблагополучные» и молодые семьи, которые с помощью приближения к традиционным ценностям и материального стимулирования должны стать эффективным инструментом в национальной битве за рождаемость.

В совокупности эти дискурсы консолидировали парадигму семьи с ярко выраженным пронаталистским уклоном и классическими

¹ Закон «О запрете пропаганды гомосексуализма и педофилии» был принят в 2011 году Законодательным собранием Санкт-Петербурга и внесен в качестве проекта федерального закона в Государственную думу РФ (правда, был отложен). Вегетарианская формулировка скрывает под собой классический гомофобный закон, который нарушает основное право человека – право на частную жизнь. В соответствии с этим законом, «если в однополый семье родители говорят своим детям, что их семья не хуже других, то они совершают административное нарушение» [Гессен, 2012].

чертами неотрадиционализма: 1) идеал нуклеарной семьи противопоставляется фрагментарной; 2) отрицание и осуждение модели советской семьи; 3) основная цель семьи – репродукция и воспитание детей; муж и жена без детей не рассматриваются как семья; 4) развитие семейного производства как способ возрождения семейной солидарности и ценности детей; 5) возрождение образа женщины-матери; 6) универсализация интересов традиционной семьи и игнорирование как различных интересов членов семьи, так и дифференцированных предпочтений разных типов семей [Журженко, 2008].

Ряд исследователей отмечает парадоксальную ситуацию, сложившуюся в официальном российском дискурсе вокруг семьи и родительства¹. Фактически весь российский истеблишмент негативно оценивает советский период и политику СССР в отношении семьи, но в то же время предлагаемая ими идеология семейной политики во многих чертах отражает опыт социализма с его пронаталистским патерналистским характером семейной политики, жесткими дисциплинарными мерами регулирования деторождения [см., например, Журженко, 2008; Rivkin-Fish, 2010]. Возможно, решающую роль в этом парадоксе сыграл опыт большинства представителей современной российской политической элиты, первичная и вторичная социализация которых происходила в советский период.

Если попытаться оценить содержание дискурса семейной политики российского правительства в контексте государств всеобщего благосостояния, то до 2011 года оно воспроизводило консервативную модель, где государство, а не рынок выступает основным источником благополучия нуждающихся граждан. Акцент делался именно на материальной составляющей социальных трансфертов, адресатом которых выступали в подавляющем большинстве матери (предоставление оплачиваемого декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком, материнский капитал), что закрепляло женщину дома и воспроизводило традиционную гендерную асимметрию родительства.

Консервативный уклон семейной политики с одновременной ее ориентацией на молодых людей до 35 лет создал серьезные напряжения между интенциями власти и их целевой аудиторией. Попытки в соответствии с идеологией базисных мифов возродить традиционные стереотипы брачно-репродуктивного поведения в сочетании с интенсивным материальным стимулированием не находят отклика в реальных поведенческих практиках молодых, склонных к рационализации своих брачно-репродуктивных практик. Для государства важно повышение рождаемости, а для молодых людей повышение индивидуального благополучия. Стремительные изменения социально-экономических условий, влияние второго демографического перехода, жесткие требования рыночной конкуренции, предъявляемые

¹ Я благодарна Ж. Черновой за привлечение моего внимания к этому парадоксу.

к профессиональной квалификации и мобильности молодых специалистов, повышенные риски ежедневного выживания резко повлияли на поведенческие стратегии молодежи. Молодых россиян беспокоят безработица и проблема трудоустройства (34%), трудности с получением образования (18%), материальные проблемы (15%)¹. Молодежь задумывается не над тем, как быть полезной государству и приобщиться к бессмертным национальным ценностям, а скорее над тем, как получить беспроцентный кредит на обучение или жилье, а после окончания учебного заведения найти хоть какую-то работу с более или менее хорошей зарплатой, чтобы в дальнейшем обеспечить достойный уровень жизни своим детям.

Мечты государства о «здоровой, крепкой многодетной семье» [Послание Президента... 2009] резко контрастируют с молодежными моделями планирования семьи: доля молодых россиян, ориентированных на малодетную семью (1–2 ребенка), по некоторым данным составляет 78% [Варламова, Носкова, Седова, 2006]. По возрастным когортам до 50 лет на 2011 год показатели еще более впечатляющие – 85% [Захаров, 2012]. И дело не только и не столько в материальных факторах. У группы респондентов с самым низким уровнем материального благосостояния среднее число детей больше, чем у самого обеспеченного слоя, хотя именно высокодоходные группы хотели бы иметь двух и более детей [Варламова, Носкова, Седова, 2006]. Ведь заинтересованность родителей (как реальных, так и потенциальных) в тех или иных программах и проектах коррелирует напрямую не только с доходом, а определяется уровнем образования, местом жительства, принадлежностью молодых людей к городской или сельской молодежи, наличием или отсутствием семьи, принадлежностью к высокоресурсным или низкоресурсным слоям, семейными традициями, культурными средами. Поэтому меры, продвигаемые семейной политикой, будут неодинаково воздействовать на разные слои общества.

Материальное стимулирование в том объеме, в котором представляет и сможет в ближайшем будущем предоставлять государство, существенно для бюджета малообеспеченных групп населения – жителей сел и небольших городов, где рождаемость и так выше средней, а планируемые пособия в случае появления третьего ребенка не смогут компенсировать в разы возрастающие риски и лишь усилят социальное неблагополучие [Малева, 2006]. Для «благополучных» семей, которые демонстрируют реальный потенциал повышения рождаемости (желание родить более одного ребенка) основной барьер для рождения – фактическое отсутствие инфраструктуры детства в России. Их стратегия репродуктивного поведения принципиально отличается

¹ Молодежь и государство // База данных ФОМ, 2002 // <http://bd.fom.ru/report/map/youth/d047705>

от стратегии малоресурсных групп. Она созвучна глобальным трансформациям воспроизводства: отложенное (отставленное) и ответственное родительство, самореализация и карьерный рост, дифференциация брачного, сексуального и прокреативного поведения – и это не случайная абберрация, а результат рационального выбора молодых, формирующих образованный креативный средний класс [Чернова, Шпаковская, 2010]. Семейная политика российского государства ставит их перед жестким выбором между временем, необходимым для ухода и воспитания детей, и профессиональной занятостью. И они выбирают карьеру, которая в будущем гарантирует соответствующее их представлениям качество жизни их детей. Тех, у кого сейчас нет детей (или один ребенок), но есть высокий потенциал, деньги интересуют в меньшей степени, чем разрешение конфликта между рынком труда и рынком социальных услуг. Но именно в этом направлении до сих пор государством предпринимался минимум усилий.

Ситуация осложнялась этатизмом в сфере социальных услуг, унаследованным социальной политикой советской эпохи, вследствие чего в условиях рыночной экономики сформировался дефицит социальных сервисов при низком уровне их качества. Значительная доля матерей вследствие неразвитости в постсоветской России сферы услуг по уходу за детьми остается вне рынка труда¹, при этом женщины составляют значительную часть высококвалифицированной рабочей силы. Они представляют, например, 70% занятых в системе образования, а система образования – 15% занятых в экономике [Малева, 2006]. Вымывание женщин с рынка труда и закрепление их в домохозяйствах мифом «золотого века семьи» наносит реальный ущерб не только субъективному благополучию, но и трудовому потенциалу страны в целом.

В условиях демографического спада, угрозы падения конкурентоспособности страны на международных рынках, низкого качества миграционной рабочей силы и недостаточного объема собственного трудового ресурса власть обратила взгляд на трудовой потенциал женского населения страны, и проблема разбалансированности профессиональной занятости и выполнения семейных ролей, наконец, стала привлекать повышенное внимание официальной правящей элиты [См. Путин, 2012; Отчет Правительства... 2011; Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге... 2012]. Этот процесс нашел свое выражение в актуализации «мифа равных возможностей», призванного легитимировать действия государства по преодолению напряженности между рынком и семьей.

¹ По информации главного санитарного врача России Г. Онищенко, в настоящее время в очереди в детские сады стоят 2,186 млн., или 19,6% всех российских детей [Власть. 2012. № 12. С. 10].

Миф равных возможностей

Локусом этого мифа является идея гендерного равенства¹. Ключевым благом, которое социальное государство гарантирует человеку, является не только равное право выбора между вариантами его жизненных траекторий, но и равные возможности осуществления этого выбора и для мужчин, и женщин. Конфликт между занятостью и семьей в контексте традиционного закрепления гендерных ролей задает очевидную асимметрию между женщинами и мужчинами как в частной (семье), так и в публичной (рынок труда, различные формы гражданского участия) сферах.

Обсуждение идеи равенства в российском официальном дискурсе концентрируется на реализации равенства в публичной сфере. Проблема внутрисемейного выравнивания гендерного дисбаланса даже на уровне идеологии остается за рамками официальных дебатов². Группа мер по выравниванию шансов женщины на участие в оплачиваемой занятости в целом направлена на формирование среды, «дружественной семье»: гибкий трудовой график, дистанционная занятость, детские сады и ясли [Путин, 2012]; обсуждается и возможность для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до трех лет, «сохранить или даже повысить свою профессиональную квалификацию» [Отчет Правительства... 2011].

В сфере косвенных видов поддержки планируется внедрение экономических стимулов (льготное кредитование, снижение арендной платы), повышающих заинтересованность работодателей в приеме на работу «граждан с высокой семейной нагрузкой» (при этом используется гендерно нейтральная формулировка) на условиях неполного рабочего дня, гибкого графика с надомной формой работы; развитие общественных работ для обеспечения временной занятости таких групп населения [Концепция семейной политики Санкт-Петербурга... 2012].

В сфере политики ухода за детьми в официальной риторике государство берет на себя роль гаранта получения людьми качественных и бесплатных социальных услуг, одновременно требуя «открыть социальную сферу для предпринимательства, некоммерческих и общественных организаций, готовых предоставлять качественное образование,

¹ Следует отметить, что ни в одном из документов, за исключением печально известного проекта Закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации (О государственных гарантиях равноправия женщин и мужчин)», термин «гендер» не употребляется ни разу.

² Исключение составляет, пожалуй, лишь Концепция семейной политики Санкт-Петербурга, принятая в 2012 году, где эксплицитно формируется идея ответственного родительства, равного участия матери и отца в воспитании ребенка, декларируется необходимость повышения статуса отца и его роли в осуществлении семейных обязанностей «в целях обеспечения равноправных отношений и равной ответственности за воспитание и развитие детей» [Концепция семейной политики Санкт-Петербурга... 2012].

медицинскую помощь и социальную защиту» [Отчет Правительства... 2011], расширяя тем самым количество субъектов заботы и подталкивая к коммерциализации оказания услуг: «по возможности надо активнее привлекать частный капитал в государственный сектор, будь то промышленность или социальная сфера» [Путин, 2008].

В итоге в рамках «мифа о равенстве» выстраивается достаточно причудливая модель: формирование государством условий для повышения трудовой активности женщин сопровождается его самоустранением из развития сектора услуг по уходу за детьми. Женщинам предлагается совмещать трудовую деятельность с практически неизменившимся грузом семейных обязанностей. И если советская модель гендерного контракта подкрепляла принцип всеобщей занятости гарантией и организацией государственного бесплатного ухода за детьми, то российский вариант лишь усиливает гендерную асимметрию.

Анализ официального российского дискурса выявил четыре базовых мифа, циркулирующих в пространстве дискурса о семье и родителе: «кризис», «золотой век семьи», «инструментализм» и «равные возможности». Их формирование в рамках современной российской политики отвечало двум противоположным запросам общества – либеральному и консервативному – по отношению к содержанию семейных отношений и роли основных игроков (государства, родителей и рынка) в их производстве/модификации. Первые три мифа консолидировали неотрадиционалистскую парадигму семьи с ярко выраженным про-наталлистским уклоном. Они легитимировали содержание и механизмы семейной политики государства в период 2006–2011 годы. Появление мифологемы «равных возможностей» хотя и нарушило гомогенность дискурсивного пространства, но в целом не привело к кардинальным изменениям в тональности официального дискурса, так как в риторике о гендерном равенстве превалировала скорее либеральная модель семейной политики с сохранением гендерной асимметрии во внутрисемейной сфере.

В результате неотрадиционалистский уклон семейной политики с одновременной ее ориентацией на молодежь до 35 лет создал серьезные напряжения между интенциями власти и их целевой аудиторией. Попытки в соответствии с идеологией базисных мифов возродить традиционные стереотипы брачно-репродуктивного поведения не находят отклика в реальных поведенческих практиках молодых, склонных к рационализации своих брачно-репродуктивных практик, что резко ограничивает эффективность менеджерских усилий государства по выстраиванию идеальной семьи, а в пределе ставит под вопрос адекватность всей семейной политики.

Список источников

- Бурдые П. Политическое представление: элементы теории политического поля // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 179–230.
- Вишневский А. Г. Демографическая революция // Вишневский А. Г. Избранные демографические труды: в 2-х т. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005. С. 3–214.
- Вишневский А. Г. Глобальные детерминанты низкой рождаемости // Синергетика. Будущее мира и России / под ред. Г. Г. Малинецкого. М.: ЛКИ, 2008. С. 71–91.
- Варламова С. Н., Носкова А. В., Седова Н. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 61–73.
- Гудков А. Больше новых рождений // Ведомости. 2008. 16 янв.
- Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.
- Докучаев Д. Бедность – не порог // Новое время The New Times. 2012. № 21 // <http://newtimes.ru/articles/detail/53575/>
- Гессен М. Надеть розовый треугольник // Новое время The New Times. 2012. № 13. С. 28–29 // <http://newtimes.ru/articles/detail/52024/>
- Журженко Т. Гендерные рынки Украины: политическая экономия национального строительства. Вильнюс: ЕГУ, 2008.
- Законопроект № 534829–5 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». 2011 // [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(SpravkaNew\)?OpenAgent&RN=534829-5&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNew)?OpenAgent&RN=534829-5&02)
- Захаров С. Какой будет рождаемость в России // Демоскоп weekly. 2012. № 495–496 // demoscope.ru/weekly/2012/0495/print.php
- Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации (проект). 2008 // <http://www.verav.ru/common/massge>
- Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. 2007 // <http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/konceptiya25.html>
- Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы (проект). 2012 // http://gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/trud/demogr/konts_dem_politika#
- Малева Т. Пора говорить о повышении социально ответственной рождаемости // Демоскоп weekly. 2006. № 267–268 // <http://demoscope.ru/weekly/2006/0267/analit01.php>
- Малева Т. М., Овчарова Л. Н. Социальная модернизация России: теория, история, вызовы // SPERO. Весна – лето 2009. № 10. С. 11–32.
- Медведев Д. А. «О взаимодействии государственных органов власти и религиозных объединений в сфере духовно-нравственного развития и гражданского образования молодежи» // Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте. 2009 // <http://news.kremlin.ru/transcripts/3403>

- Медков В. М. Демография: учеб. пособие. Ростов-н/Д.: Феникс, 2002.
- Мизулина Е. Б. О Концепции государственной семейной политики. 2012 // <http://www.garant.ru/action/interview/244534/>
- Мизулина Е. Б. Мы готовим закон о праве «ребёнка на жизнь до рождения». 2012а // <http://kcfnsr.ru/o-pas/центр-национальной-славы/1399-elena-mizulina>
- Мизулина Е. Б. Поддержка многодетных семей должна стать приоритетом государственной семейной политики. 21.05.2012б // <http://www.spravedlivo.ru/news/anev/18257.php>
- Николаева Е. Л. Концепция государственной семейной политики на период до 2025 // socrat.ru/analytics/topical_research/1417813/
- Особенности российской модели рождаемости // Демоскоп weekly. 2010. № 417–418 // demoscope.ru/weekly/2010/0417/analit04.php
- Останина Н. А. Выступление на заседании Государственной думы РФ. 23.11.2011 // <http://kprf.ru/dep/84893.html>
- Отчет о деятельности Правительства Российской Федерации за 2011 год // <http://premier.gov.ru/events/news/18671/multiscripts.html>
- Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 8.07.2000 // http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_type63372_type63374_type82634_2_8782.shtml
- Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 12.05.2006 // <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>
- Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 12.11.2009 // www.kremlin.ru/transcripts/5979
- Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 30.11.2010 // www.kremlin.ru/news/9637
- Путин В. В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 2008 // <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>
- Путин В. В. Строительство справедливости. Социальная политика для России. 2012 // <http://premier.gov.ru/events/news/18071/>
- Розенхольм А., Савкина И. «Роди патриота – спаси Россию!» (нация и гендер в демографическом дискурсе российских печатных СМИ, комментировавших «демографическое послание» В. В. Путина) // Гендерные исследования. 2008. № 18. С. 266–282.
- Семенова Е. Ю. Выступление на заседании Государственной думы РФ. 16.03.2012 // <http://transcript.duma.gov.ru/node/3593/>
- Социология семьи / под ред. А. Антонова. М.: Инфра-М, 2007
- Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-изд. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. СПб.: Медиум. Ювента, 1997.
- Чернова Ж. В. Кто о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–318.

- Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 19–43.
- Ярская-Смирнова Е. Ценностно-символическое пространство семейной политики // *Демоскоп weekly*. 2010. № 409–410 // demoscope.ru/weekly/2010/0409/analit05.php
- Daly M. Care as a Good for Social Policy // *Journal of Social Policy*. 2002. Vol. 31. № 2. P. 251–270.
- Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press & Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Hochschild A. *The Commercialization of the Intimate Life: Notes from Home and Work*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press, 2003
- Kremer M. The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared // *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2006. Vol. 13. № 2. P. 261–285.
- Lewis J. Gender and Welfare Regimes: Further Thoughts // *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 1997. Vol. 4. № 2. P. 160–177.
- Lewis J., Daly M. The Concept of Social Care and the Analysis of Contemporary welfare states // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 2. P. 281–298.
- Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of "Maternity Capital" // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. № 3. P. 701–724.
- Thomas C. De-constructing Concepts of Care // *Sociology*. 1993. Vol. 27. № 4. P. 649–669.
- Van de Kaa D. J. Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. № 1. P. 1–47.

Печерская Наталья Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры
социологии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург
электронная почта: npcher@eu.spb.ru
